

Вадим ЕРМИН

Воспоминание о детстве

Бельё на полке корчится,
Погладить недосуг.
Война никак не кончится,
И снова свет потух.

За окнами, за окнами
Ляжет сплошная мгла.
Коленка сбита до крови
И так и не прошла.

Пустые ожидания
Блуждают по стене,
Как будто жил тогда не я,
А память обо мне.

Июльская ночь

Не знали покоя летучие мыши,
Никак не спадала жара.
Седой квартирант своей
собственной ниши
Пытался казнить комара.

О чем-то большом совещались светила,
Бесмысленно время текло.
А в нише напротив соседка грустила,
Поконное вжавшись стекло.

Как верёвочка ни вьётся,
Но придёт и ей конец.
И сушить придётся вёсла
Словно ты и впрямь — гребец.

И — уже не до поговорок,
Выручавших до поры, —
Ты в последний раз опоришь
Смысл проигранной игры.

Тонувший

«Солдатиком» в Коломенку,
Как в юности, нырнул.
Схватился за соломинку
И сразу же прогнул.

С большим трудом, но выбрался
На чахлый бережок.
И снова в люди выбился —
Честь снова бережёт.

Ровесник

Менял коней на переправах,
Был то за левых, то за правых.
Шел, как предписано, вперед,
Куда, сам чёрт не разберет.
До цели так и не дойдя,
Ворчит на нового вождя.

Гибель

Это может случиться с любым,
Даже если любой нелюбим;
Даже если любой нелюдим,
И за ним мы с опаской следим.

Это может случиться со мной,
Это может случиться с тобой.
А потом кто-то скажет: «не ной,
Это может случиться с любой...»

Над городом колокол поднят...

Тускнеет незаметно
Последний мой закат.
Спасибо и за это,
Пусть даже невпопад.

Конец серебряного века

Фрагменты
Чёрного квадрата
Пошли стеною
Брат на брата.

Не знали толком,
Что творят,
И в красный
Врезались
Квадрат.

Лыжник

М. Турбину

Еду. Еду, лес всё ближе;
Всё накатанней лыжня.
Подо мной смеются лыжи,
Брошенные на три дня...

Еду. Еду, лес всё дальше,
Но храню в душе запал,
Рад, что день провёл без фальши,
Даже если был неправ.

Голос

«Вы знаете: я не вернулся с войны;
Об этом ровесники знать не должны.
Вы знаете: я безымянный герой;
Никак мне не стать
в запрокинутый строй.
Вы знаете: выстрел в затылок был слеп —
Стрелявший с трудом
заработал на хлеб...»

Умерла большая Ложь,
Всполошив больницу.

Протасили вдоль межи,
С помпой схоронили.
Мелкие осколки Лжи
Скачут по равнине.

О себе

Живу и внутренним и внешним,
Как говорится, на миру.
Отогреваюсь солнцем здешним,
Располагаю к добру,
Листаю прожитые годы,
Смакую лучшие места.
Так и не найденные броды
Свои скрывают возраста.

Этюд

Торопится в школу осинник,
Следы оставляя в грязи.
Осинник дорогу осилит,
Какою бедой ни грози.

Крадётся акация следом,
В осинник тайком влюблена.
А прочим деревьям неведом
Заманчивый вид из окна.

Виноватый

Нет, с чужою женою
Я не спал под сосною.

Даже в мыслях её я
Не тревожил покоя.

Но, однако, во многом
Виноват перед Богом.

Строптив, зловец и весел
Последний мой закат.
Грехи мои он взвесил
И жжёт, как дубликат.

Внизу всё те же виды
Подчёркнуто черны.
Прохожие, как гиды,
Переутомлены.

Прощание с осенью

Не факт, что осень наступила,
И в сквере высохли цветы.
И отсыревшие стропила
Торчат, как горные хребты.

Не факт, что кончились запасы
Перебродившего тепла;
И воздыхания напрасны,
Хотя им снова нет числа.

Не факт, что обнажились дали;
И видно больше, чем всегда.
И мир, который мы создали,
Скользит неведомо куда.

Осенний пейзаж

По сусекам орловского края
Пробирается солнечный луч.
И земля подсыхает сырая,
И сдаются квартиры под ключ.

И летят перелётные птицы
Не известно, зачем и куда.
И от стаи нетрудно отбиться,
Если стая ещё молода.

Ветреный день

Ветер спустился с горы
И выбивает ковры.
Выбил. И тащит в подъезд
Мимо столетних «невест».

Эпитафия

Пробирает стужа рожь,
Теребит пшеницу.

Зеркало

И всё-таки
Это — дыра:
Меж «завтра» дыра
И «вчера».

Застыв
Перед пыльной дырой,
Слепящих иллюзий
Не строй.

Отвергнутый

Одетые строго по моде,
Знакомые мимо плывут.
А я сам с собою в разводе,
Хотя утром было «зер гут».

Колышутся листья и травы,
Куда-то исчезли цветы.
Я к ночи погибну без славы,
Как гибнут на суше киты.

Последний романтик

Поднялся на вершину,
А за спиной — спуск:
Пора чинить машину
И срочно ехать в Курск.

Пора остепениться,
Как многие твердят.
Пока в руке синица
Не слышит их тирад.

Зима

На крыши веснушчатых зданий
Неспешно планирует снег,
Свободный от рангов и званий
И прочих житейских утех.

Едва намечается прорубь
Почти неподвижной зари.
Над городом колокол поднят,
И пишут круги сизари.